

Васильев А.Д.
Красноярск, Россия

Vasilyev A.D.
Krasnoyarsk, Russia

ИГРЫ В СЛОВА:

МАНИПУЛЯТИВНАЯ ЭВФЕМИЗАЦИЯ

УДК 81.373.49

ББК Ш 100.3

Аннотация. Статья посвящена феномену мнимой эвфемизации как инструменту манипуляций общественным сознанием. Анализируется использование ряда слов в этой функции на материале российского телевизионного дискурса.

Ключевые слова: эвфемизация, дискурс СМИ, реформа, языковая игра

Сведения об авторе: Васильев Александр Дмитриевич, профессор, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Сибирский юридический институт МВД России.

Контактная информация: E-mail: vasileva@kspu.ru

WORD GAMES:

MANIPULATIVE EUPHEMISATION

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Abstract. The paper is devoted to the phenomenon of a pseudo-euphemisation as the instrument for manipulating public consciousness. The use of a number of words in this function is analyzed on the material of Russian television discourse.

Key words: euphemisation, Mass Media discourse, reform, language game

About the author: Vasiliev Alexandr Dmitrievich, Doctor of Philology, Professor.

Place of employment: Siber Law Institute of (MIA) Ministry of Internal Affairs of Russia

... Вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз чорт знает что и значит.

Н.В. Гоголь

Хорошо известна исконная и непреходящая ценность вербального материала, используемого разнородными идеологическими жрецами, заклинателями и проповедниками в сотворении социальной реальности, необходимой их работодателям. Причём конструироваться может, конечно, не столько сама реальность, зачастую весьма неприглядная, сколько маскирующие её словесные декорации, скрывающие от излишне доверчивой аудитории подлинное состояние дел. В качестве элементов дискурсивного декора широко применяются «слова-амёбы» (С.Г. Кара-Мурза), «симулякры» (Л.Н. Синельникова), «слова-мифогены» (А.Д. Васильев). Вполне понятно, что не стал исключением и перестроечно-реформаторский период, ознаменовавшийся радикальным переходом «от империи лжи к республике вранья» [Поляков 2005: 67].

Подобные явления изучаются представителями разных гуманитарных наук. Так, специалисты в области герменевтики считают, что в текстах российских СМИ часто наблюдается перетряхивание клише, которые слабо связаны даже между собой, что приводит к дисперсии смысла и к отсутствию единой логики. К богатому набору таких клише, никоим образом не поддающихся сколько-нибудь логичному осмыслению, «относятся, например, словосочетания *переходный период, трудности переходного периода* для объяснения и обозначения нынешней ситуации в России. Переход должен быть процессом от чего-то к чему-то. От чего? От реального социализма? Но такого в реальности не было, как и не было его дефиниции. Что требуется менять, кроме передела государственной собственности, не выяснено... Переход к чему? Говорят, к демократическому государству. Но понимание его не соответству-

ет не только общепринятому в развитых государствах, но и историческим реалиям российской государственности... Поэтому «переходный период» из ничего в ничто просто обозначает ситуацию нестабильности и является неологизмом, закрывающим обсуждение неприятного вопроса о том, что же происходит» [Артамонова, Кузнецов 2003: 45] (то есть на практике заранее максимально устраняет саму возможность понимания обществом сути событий, их вектора и наиболее вероятных результатов).

Одним из наиболее известных – в силу своей востребованности властями предерживающими и спешествующим персоналом – в году российских реформ стало весьма диффузное в семантическом отношении, но тем не менее (или, может быть, наоборот, – тем более) устойчивое словосочетание *административный ресурс*. Оно используется главным образом тогда, когда идёт речь о попытках, успешных или безуспешных (это зависит прежде всего от того, поддерживаются ли они верховным руководством, главами финансово-промышленных групп и т.д. – в общем, *элитой*), повлиять на исход демократических выборов разных уровней. Обычно такие попытки осуществляются действующими в период избирательной кампании представителями исполнительной власти и приобретают в каждом конкретном случае свои, но довольно типизированные формы мероприятий, направленных на устранение как реальных, так и потенциальных конкурентов (запреты на проведение митингов и демонстраций, уничтожение средств наглядной агитации, недопущение к каналам СМИ, обыски в штаб-квартирах и офисах оппозиционеров, возбуждение уголовного преследования против их лидеров, лишение возможности встречаться с избирателями и т.д.). Довольно

часто ореолом *административного ресурса* освящены восхищающие и ошеломляющие малоинформированного наблюдателя феномены карьерного взлёта, чрезвычайно успешной предпринимательской деятельности и молниеносного обогащения родственников, близких и приближенных российских руководителей разных рангов: обычно для широкой публики это объясняют (впрочем, изредка) выдающимися талантами представителей *элиты*.

Активных применителей *административного ресурса*, как правило, не подвергают никаким, даже символическим наказаниям, вроде публичного порицания, не только потому, что они представляют в предвыборных баталиях или в коммерческой конкуренции заведомо сильнейшую сторону и, таким образом, неизбежно обречены стать победителями (которых, как давно и хорошо известно, не судят: это они судят побеждённых). В качестве универсального защитного средства используется вербально-маскировочное прикрытие.

Чтобы понять суть этого манипулятивного словесного фокуса, достаточно ознакомиться с формулировками некоторых статей действующего Уголовного кодекса Российской Федерации.

В главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» – ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» сказано: «Использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов общества или государства..., совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, – наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трёхсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от одного года до двух лет либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет или без такового».

Статья 286 «Превышение должностных полномочий» гласит: «Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, – ... совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, – наказывается штрафом в

размере от ста тысяч до трёхсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от одного года до двух лет, либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет или без такового».

Как видно из этих формулировок, закон предусматривает довольно жёсткие наказания за совершение упомянутых деяний. Однако ст. 14 того же УК РФ «Понятие преступления» содержит следующие дефиниции: «1. Преступлением признаётся виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое настоящим Кодексом под угрозой наказания. 2. Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Понятно, что если именовать некоторые действия, «формально содержащие признаки» злоупотребления должностными полномочиями или их превышения, *использованием административного ресурса*, то ни о каком уголовном преследовании его инициаторов и активных участников не может быть и речи: текст УК РФ попросту не содержит этого словосочетания. «Закон всегда морален. Иначе это плохой закон» [В. Путин. Прямая линия. 1 канал. 25.10.06]. Может быть, ещё и поэтому – во имя сохранения моральных ценностей – вертикаль власти склонна укрепляться за счёт назначений, а не выборов. Смутное ощущение многих граждан, что *административный ресурс* – это всё-таки вряд ли сугубо позитивное явление, наталкивается на неколебимую самоуверенность политически целомудренной *элиты*. Ведь «преступление – это то, что совершает кто-то другой» (Дж. Стейнбек).

Такие маскировочные штампы, предназначенные для порождения мифов и, соответственно, для сотворения глубоко мифологизированного общественного сознания, могут быть рассмотрены и в несколько ином аспекте.

Одним из видов парадигматических отношений, существующих в лексико-семантической системе языка, является синонимия – «совпадение по основному значению (обычно при сохранении различий в оттенках и стилистической характеристике) слов...» [Ахманова 1966: 407]; «синонимы–слова, обозначающие одно и то же явление действительности. Однако, называя одно и то же, синонимы обычно называют это одно и то же по-разному – или выделяя в называемой вещи различные её стороны, или характеризуя эту вещь с различных точек зрения. Именно поэтому синонимы..., как правило, не являются словами, абсолютно идентичными друг другу...» [Шанский 1972: 52].

Но нередко «возможность отнесения разных слов к одному явлению определяется не их

собственной равнозначностью или смысловой близостью, а различным отношением или оценкой данного явления» [Шмелёв 2003: 143]. С этим во многом связан феномен эвфемизации – непрямого, прикрытого, вежливого, смягчающего обозначения (см. [Ахманова 1966: 521]). Эвфемизация как один из компонентов культуры речи может сделать её и гиперкорректной – в соответствии с представлениями носителей языка об идеальных формах выражения, выступающих в роли важных социальных маркеров-стереотипов. Ср. классические примеры: «... Дамы города N отличались, подобно дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос», «я обошлась посредством носового платка». Ни в каком случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намёк на это, а говорили вместо того: «этот стакан нехорошо ведёт себя» [Гоголь 1956: 150]. – «...Вместо гигантов, сгибавших подковы и ломавших целковые, явились люди женоподобные, у которых на уме были только милые непристойности. Для этих непристойностей существовал особый язык. Любовное свидание мужчины с женщиной именовалось «ездою на остров любви»; грубая терминология анатомии заменилась более утончённою; появились выражения вроде: «шаловливый мизантроп», «милая отшельница» и т.п.» [Салтыков-Щедрин 1953: 152].

Эвфемизация – одна из распространённых разновидностей игры в слова, активно применяемая в том числе и в текстах СМИ. Приведём здесь лишь несколько наиболее частотных примеров эвфемизмов в контекстах, позволяющих объяснить причины эвфемизации.

Так, на протяжении реформаторского (*переходного*) периода широко употребительной стала эвфемизация, тематически обслуживающая сферу трудоустройства.

Неслучайна уже сама замена субстантивированного *безработный* на *неработающий*: по всей видимости, предполагается, что внутреннее формы каждого из этих слов воспринимаются по-разному; ср. «*безработный* – лишённый возможности получить работу, заработок» [МАС₂ 1981,1: 75] – и *неработающий* – см. «*работать* – 1) заниматься каким-либо делом, применяя свой труд; трудиться; 2) трудясь, создавать, совершенствовать или изучать что-либо; 3) заниматься каким-либо трудом, обеспечивая или обслуживая кого-, что-либо» [МАС₂ 1983,III: 575]; соответственно если *безработный* лишён кем-то или в силу каких-то обстоятельств возможности трудиться (оставлен без работы), то *неработающий*, скорее всего, сам избрал себе такой статус: не работает, потому что не хочет. А *безработица* – это всего лишь безмя-

тежно-сладостный «*период профессиональной невостробованности*» [7 канал. 14.06.01] и потому концептуально отождествляется с долгожданным обретением свободы, которая была бы невозможна при бесчеловечном тоталитаризме, почему-то определявшем индивидуумов, не желавших трудиться, как тунеядцев, да ещё и наказывавшем таких свобододолюбивых граждан, деспотично принуждая их к общественно полезному труду. Слово *неработающий* ранее применялось, кажется, исключительно по отношению к предметам неодушевлённым: *неработающий станок, неработающий утюг* и т.п.

Зато теперь наступило время иных аксиологических установок: «У нас порядка пятьсот человек *высвобождается*» [гл. инженер шахты «Амурская». – Время. ОПТ. 21.04.00]. «Массовое *высвобождение* четырёх с половиной тысяч человек [вследствие расформирования ракетной части]» [ИКС. КГТРК.11. 12.01]. «*Высвобождается* первая очередь сокращаемых в угольной отрасли края – 597 человек» [Новости. Афонтово. 04.02.03]. «У нас в Сосновоборске нет мест, которые могли бы принять *высвобождающихся* работников завода [мэр – об увольнении почти половины рабочих завода автоприцепов, единственного крупного предприятия в этом городе. – Новости. ТВК. 15.05.02]. «В законодательном собрании пройдут публичные слушания о неотложных мерах по *массовому высвобождению* рабочих. В ближайшее время потеряют работу несколько тысяч человек. Такое *массовое высвобождение* грозит социальным взрывом» [Новости. ТВК. 14.02.03].

Ср. также: «Не секрет [!], что в преддверии зимы сложилась *непростая обстановка* в снабжении северян топливом» [т.е. из-за отсутствия топлива в условиях Крайнего Севера могут вымерзнуть целые города и районы. – Вести. 09.11.98]. «Север [из-за срыва завоза продуктов] может ощутить огромные *проблемы с продовольствием*» [иначе говоря, становится реальной угрозой голода. – Вести. РТР. 02.08.96] и т.п. «*Вова* – один из семисот тысяч российских *социальных сирот* – так называют сирот при живых родителях» [Студия-2. КГТРК. 05.10.02]. «Центр «Родник»: здесь есть *социальная гостиница-дом ночного пребывания* для не имеющих жилья. По словам директора *пансионата*, количество постояльцев растёт» [Обозрение-7. 7 канал. 05.10.02] (в досоветские времена подобное заведение называлось *ночлежкой*). «С самого начала [в Чечне] по официальной версии, армия там [в Чечне] не *воевала*, а *восстанавливала конституционный порядок*» [Обозрение-7. 7 канал. 25.06.02]. «Журналисты утверждают, что министр обороны [США] Рамсфельд лично одобрил 16 *нетрадиционных методов ведения допроса* [в военной тюрьме Гуантанамо]... ГУЛАГ на Кубе...» [24. RenTV. 14.06.05] (имеется в виду разрешение пытаться пленных). «*Альтернативные источники тепла* – печки- «буржуйки» в домах жителей даль-

невосточного Углегорска» [Новости. ОРТ. 07.07.03]. «Рабочим [более тысячи человек, уволенным эффективными собственниками угольного разреза «по сокращению»] выделено 20 миллионов рублей на трудоустройство. Эти деньги красиво называются *стабилизационным фондом*» [Обозрение-7. 7 канал. 14.02.03]. «Министр иностранных дел Сергей Лавров говорит о *трансформации НАТО*» [Новости. ОРТ. 02.04.04] (т.е. о приближении НАТО вплотную к границам России). «*Социально неадаптированные граждане*» [Б. Горный, пресс-секретарь санэпидстанции. Новости. Прима-ТВ. 18.08.03] (то есть неимущие без определённого места жительства). «*Социально направленный ресторан: цена комплексного обеда – 60 рублей*» [Детали. Прима ТВ. 06.05.05] (иначе говоря – для бедных). «Рядом со зданием Центрального рынка планируется построить *социальный рынок*, где будут торговать красноярские огородники» [Радио «Шансон». 20.01.06] (преимущественно бедствующие пожилые пенсионеры).

Тем не менее, следует воздать должное власти в лице чиновников разных уровней, проявляющих неподдельную озабоченность положением населения и радеющих о нём: «Мы решили сделать учителям *подарок* к Новому году – *выплатить зарплату*» [зам. главы краевой администрации. – ИКС. КГТРК. 17.11.98]. «Этот *подарок* красноярцам сделал наш земляк, министр МПС Геннадий Фадеев: новый электропоезд до Боготола. ...Билет будет стоить не более 110 рублей» [Новости. Прима ТВ. 28.03.03]. «Новая жизнь в Емельяновской больнице стала возможной только благодаря властям района» [Вести-Красноярск. 28.03.05]. «Дети посёлка Громадск Уярского района получили *подарок* с губернаторским размахом – новую школу. ... Строительство школы возобновилось по инициативе губернатора» [Вести-Красноярск. 01.09.08]. «*Помощь* льготникам станет *особо адресной*: льготы сохраняются только для тех, чьи доходы ниже прожиточного минимума» [Вести. РТР. 01.02.99] и т.п.

Следует заметить, что лексические значения некоторых ключевых слов изменились за сравнительно короткий период, либо обросли созначениями и обогатились коннотациями. Так, ср. соответственно в Словаре русского языка в четырёх томах под ред. А.П. Евгеньевой (1981-1984 гг.) и в Толковом словаре современного русского языка под ред. Г.Н. Складневской (2001 г.): «*перестройка* – действие по знач. глаг. *перестроить-перестраивать* и *перестроиться-перестраиваться* (*перестроить* – 1) построить заново, иначе, произвести переделку в постройке; 2) переделать, внести изменения в систему чего-л., порядок следования чего-л. и т.п.; *перестроиться* – 1) построиться, расположиться в строю заново, иначе; 2) изменить порядок своей работы, направле-

ние своей деятельности, свои взгляды)» – и: *перестройка* – «осуществлявшиеся в СССР в 1985-1991 годах реформы и преобразования в области экономики, общественной и государственной жизни, направленные на развитие демократии, гласности, на выход страны в мировое сообщество»; «*реформа* – 1) преобразование, изменение чего-л.; 2) политическое преобразование, не затрагивающее основ существующего государственного строя» – и: «*реформа* – преобразование, изменение, переустройство какой-л. стороны общественной жизни»; здесь же отсылка к статье слова *антиреформатор* – «тот, кто выступает против реформ, препятствует их осуществлению» (вероятно, по степени инвективности – некий современный аналог *врага народа*).

Прежде оценочно-нейтральное существительное *реформа* за последние годы обогатилось устойчивым негативно-коннотативным ореолом. По признанию одного из региональных политиков-реформаторов, «слово *реформа* жителей нашей страны уже просто пугает» [депутат Законодательного собрания Красноярского края А. Клешко. После новостей. ТВК. 09.03.04]. Кстати, этот же деятель в общем-то справедливо отметил, что «слово *депутат* в нашей стране стало ругательным» [Будни. ТВК. 23.01.03], правда, почему-то не объяснив достаточно внятно истоки пейоративности этой, казалось бы, нейтральной лексемы. А ведь, по компетентному мнению другого регионального политика и депутата, «в *се реформы* в России сопровождаются ростом тарифов» [В. Сергиенко, председатель краевого союза промышленников и предпринимателей. ИКС. КГТРК. 25.06.02]. Прозорливо прогнозируя естественную реакцию граждан, чиновники «на совещании... предложили назвать *реформу* [жилищно-коммунального хозяйства] *преобразованием*, чтобы не раздражать население» [ИКС. КГТРК. 14.05.01]. Но лингвистический фокус не удался. Поэтому-то «красноярцы шли выразить свой протест так называемой *реформе ЖКХ*» [Новости. ТВК. 04.03.02], а вдруг ставшие ну просто очень человеколюбивыми чиновники стали напряженно думать, «как *защитить* ветеранов и инвалидов от *реформы ЖКХ*» [Новости. Афонтово. 23.01.03]. Между прочим, и смена названия соответствующего ведомства – вместо советского *социальное обеспечение* на сегодняшнее *социальная защита* – тоже кое-что объясняет.

Вполне закономерно, что для сохранения беззаветной толерантности населения неперестанно изобретаются и вводятся в широкий пропагандистский оборот через СМИ всё новые эвфемизмы к словам *реформа* и *реформировать*. Ср.: «В Пенсионном фонде стараются не употреблять слово *реформа* и говорят о *совершенствовании* пенсионной системы» [Новости. ОРТ. 01.01.02]. «...Почему это и не *реформа* называется, а *модернизация*» [чиновник

минобра РФ – о введении т.н. «профильного образования». – Обозрение-7. 7 канал. 28.10.02]. «Урегулировать тарифы жилищно-коммунального хозяйства» [Вести-Красноярск. 14.10.02]. «[Диктор:] «Центральный аппарат [министерства обороны] будет не столько реформирован, сколько видоизменен». [Министр обороны РФ С. Иванов:] «Не столько реформа, сколько оптимизация» [Доброе утро, Россия. РТР. 21.04.04]. – «Сергей Иванов боится одного – реформы. Это слово заменено словом модернизация» [24. RenTV. 08.02.07]. «Не реформа жилищного законодательства, а упорядочивание» [Вести. РТР. 01.02.05]. «Люди плохо воспринимают слово реформа – в результате плохих реформ здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, образования... Поэтому, может быть, более уместно использовать не слово реформа, а, например, «изменение к лучшему» [А. Жуков, вице-премьер. Новости. ОРТ. 06.04.05] и т.п. Небезынтересно, что и реформаторы русского правописания также использовали подобный псевдозвфемистический прием: «...На самом деле то, что подготовлено нами, – это отнюдь не реформа» [Лопатин 2001: 55].

Однако многие носители русского языка, хорошо усвоившие малорадостный опыт собственного существования в перестроечно-реформаторский (тот самый «переходный») период, научились довольно быстро распознавать сущность и цели подобных политкорректных словесных фокусов. Ср.: «Почему всюду говорят, что это «реформа ЖКХ», а на самом деле – поднятие тарифов?!» [вопрос телезрителя – ТВК. 04.03.03].

Ранее звфемистические обозначения перманентных экспериментов над населением (и, кстати, всегда с приблизительно одинаковыми результатами) варьировались и при назывании некоторых их частных воплощений, например: «Не надо называть работу с сельхозпредприятиями банкротством: выздоровление – да, оживление – да... Слово это [банкротство] обидное и далеко не всегда уместное» [Крестьянские ведомости. ОРТ. 19.04.98]. «Самарские чиновники вместо «задержка пенсий» предпочитают говорить «смещение сроков выплаты пенсий» [Время. ОРТ. 03.04.98] и т.п.

Но, поскольку от изобретения политкорректных словесных знаков суть называемых ими явлений не меняется, а толерантность граждан повышается почему-то медленно, политехнологам приходится продолжать исследование синонимических рядов русского языка, попутно обогащая их ресурсы.

Одной из относительно свежих находок стало введение в политкорректный официозно-речевой оборот слова оптимизация (кстати, оно регистрируется не всеми толковыми словарями). Вероятно, предпочтение ему отдается из-за скрытой, как и у других заимствований, внутренней формы – может быть, по той же

причине многим российским руководителям и их службе так полюбили прилагательное амбициозный, употребляемое ими как положительно оценочное (например, «амбициозные проекты» – нечто вроде грандиозные) безо всяких на то причин (ср. «амбициозный – прил. к амбиция – чрезмерное самомнение, самолюбие, необоснованные претензии на что-л.» [Толковый словарь 2001: 18-19]; «амбиция [фр. Ambition < лат. ambitio] – обострённое самолюбие, самомнение; спесь» [СИС-1979: 31]). Вот лишь один из очень многих примеров подобного словоупотребления – в суждении гендиректора ВЦИОМа В. Федорова по поводу одного из «событий недели», пуска реактора на Волгодонской АЭС: «Первый за долгое время признак того, что амбициозная программа строительства новых ядерных станций в России может стать реальностью. И что наша атомная энергетика остаётся конкурентоспособной» [Фёдоров. Пять событий недели // РГ-Неделя. № 62. 25.03.10. С. 2]. В данном случае кое-что объясняется родом профессиональной деятельности г. Фёдорова – социологическими обследованиями («мониторингом») российского населения, в которых значительна роль статистики, или, точнее, интерпретации объективных (?) статистических данных (ср. апокрифический афоризм, обычно приписываемый Марку Твену: «Существуют три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика» [Душенко 2006: 633]). Возможно и иное объяснение, а именно – влияние английского языка, порождающее семантическое калькирование, которое, в свою очередь, приводит к речекommunikативным неудачам и тупикам, т.е. возможностям различных толкований одного и того же высказывания (шире-текста), проистекающим из, как минимум, потенциально вариативного восприятия его ключевых слов (характернейший пример последнего времени – использование словосочетаний контролировать ситуацию, контроль ситуации, взять (брать) ситуацию под (чей-нибудь) контроль, ситуация под контролем, ситуация вышла из-под (чьего-нибудь) контроля и т.п.; подробнее см. [Васильев 2000: 100-109], [Васильев 2003: 135-147]). Ведь хорошо известны способности к изучению иностранных языков современных высших российских руководителей, что, несомненно, самым выгодным образом отличает их от советских предшественников. Например: «... В Германии говорит прямо на чисто немецком языке... Очевидно, что к первому человеку России небесные светила благоволят» [В. Власенко. Обозрение-7. 7 канал. 07.10.02]. – «...В Ново-Огарёво обнялись, обменялись рукопожатиями... Несколько минут Владимир Путин и Тони Блэр говорили по-английски» [Время. ОРТ. 29.04.03]. – «Президент Путин и премьер-министр Финляндии продолжили переговоры на английском языке» [Новости. ОРТ. 02.08.05] и т.д. (хотя, кажется, дипломатический протокол и не предусматри-

вает такой модели речевого поведения, в том числе и при общении на самом высоком уровне). Неудивительно, что и первый президент России, находясь на вполне заслуженном им отдыхе, тоже задался благородной целью личного освоения иностранного языка: «Чтобы загрузить мозги, которые у меня не загружены полностью, я начал изучать английский язык» [Б. Ельцин. Вести. РТР. 09.06.02]). Конечно же, это вряд ли сопоставимо с теми ситуациями и их оценками, которые высказывал великий отечественный лингвист: «Вероятно, многие испытали на себе неприятное впечатление фальши, неискренности, слушая певца или актёра, говорящего в угоду местной публике на непривычном для него наречии. Искусство переходит здесь в лицемерие» [Потебня 1976: 265] (кстати, согласно ст. 68 действующей российской конституции, государственным языком РФ является русский).

В отличие от вышеприведённых дефиниций существительного *амбиция* и прилагательного *амбициозный*, содержащихся в русскоязычных словарях, двуязычный словарь даёт несколько иное толкование соответствующих английских слов, происходящих от того же латинского источника. Ср.: «*ambition* – 1) честолюбие, амбиция; 2) стремление, цель, предмет желаний; it is his a. to become a writer его мечта стать писателем; *ambitious* – 1) честолюбивый; a. of power властолюбивый; 2) претенциозный» [Мюллер 1956: 27]; а также: «*ambition* – 1) strong desire, esp to be successful: A man who is filled with~usually works hard; 2) particular desire of this kind: He has great~s; 3) object of such a desire: achieve one's~(s); *ambitious* – 1) full of ambition: an~woman; ~ to succeed in life; 2) showing or needing ambition: ~plans; an ~ attempt» [Hornby 1984: 20].

Допустимо предположить, что результаты семантических эволюций слов корня, восходящего к одному и тому же источнику (в данном случае – к латыни), в лексиконах разных языков оказались различными; известно множество подобных примеров. Потому представители российской власти, труженники СМИ и некоторые другие речедатели-полиглоты зачастую вкладывают в употребляемые ими слова несколько иные смыслы, нежели большинство членов языкового коллектива, населяющего то же государство. О таких процессах немало говорили социолингвисты прошлого (Е.Д. Поливанов и др.) и настоящего; ср.: «Общественный дискурс оперирует понятиями типа толерантности, истинности которых полагается очевидной (а ведь подобные случаи не единичны!). Когда же эти понятия конкретизируются в бытовом дискурсе, возникают сомнения: об одном и том же говорит народ и его элита?» [Суспицына 2007: 73]. Кроме того, знание иностранного языка влечёт за собой в том числе и некоторые трансмутации национальной ментальности, выражаемой и воплощаемой именно родным языком: «Чело-

век, говорящий на двух языках, переходя от одного языка к другому, изменяет вместе с тем характер и направление течения своей мысли, притом так, что усилие его воли лишь изменяет колею его мысли, а на дальнейшее течение её влияет лишь посредственно. Это усилие может быть сравнено с тем, что делает стрелочник, переводящий поезд на другие рельсы» [Потебня 1976: 260]. Надо также учитывать, что такие слова, как *оптимальный* – «наиболее благоприятный, наилучший», *оптимизм* – «бодрое и жизнерадостное мироощущение, исполненное веры в будущее; склонность во всём видеть хорошие, светлые стороны» [МАС₂ 1982,2: 632], корень которых связан с лат. *optimus* – «лучший» [там же], в языковом сознании несомненно маркированы позитивно – а значит, та же оценочность передаётся и этимологически родственному *оптимизация* – «нахождение наибольшего или наименьшего значения какой-л. функции или выбор наилучшего (оптимального) варианта из множества возможных, напр. о. процесса управления» [Словарь иностранных слов 1979: 257]. Конечно, можно было бы использовать и исконно русское слово *улучшение*, но оно для вербально-манипулятивных операций менее предпочтительно: во-первых, *оптимизация* – терминологично, а значит, наукообразно и в силу этого способно внушать доверие; во-вторых (хотя это сегодня и не столь существенно), обещание *улучшения* налагает на руководящего речедателя некое подобие ответственности (тем более, что улучшение может оказаться избирательным, или «точечным», «адресным»; проще говоря, для кого-то действительно реализуется, для кого-то – совсем наоборот; собственно, так и происходит в абсолютном большинстве случаев).

Дополним приведённые выше примеры употребления слова *оптимизация* как эвфемизма к «дискредитированному» («дискредитированному»?) слову *реформа*. К тому же, в отличие от последнего, первое – популяризируемое – обычно именуется изменения, пусть и весьма чувствительные для граждан, но в узколокальных масштабах. Итак: «Сокращение [статей социальных расходов] краевого бюджета – это *оптимизация* бюджетной сети» [Новости. ТВК. 16.11.98] (то есть снижение расходов на здравоохранение и образование). «*Оптимизация* краевого бюджета – это и доведение до 70 % оплаты жилья» [Новости. 7 канал. 12.02.02] (поскольку так и непонятно, какая именно величина принимается за 100 %, то *оптимизация* в этом направлении неуклонно продолжается – квартплата растёт по сей день). «*Оптимизация* расходов в медицинских учреждениях – сокращение количества больничных коек» [Новости. Прима ТВ. 17.12.04] (ср.: «[Артемий Филиппович:] Человек простой: если умрёт, то и так умрёт; если выздоровеет, то и так выздоровеет... Все как мухи выздоравливают» [Гоголь 1966: 25, 60]). «По мнению чи-

новников [красноярской] мэрии, то, что придёт-ся платить [за поездку] гораздо больше, количество автобусов и маршрутов будет сокращено, а ездить придётся с пересадками и длинными интервалами, – и есть *оптимизация* работы городского транспорта» [Новости. 7 канал. 28.08.08] и т.д.

По степени семантической прозрачности близок к приведённым и следующий пример: «Квашнин [начальник российского генштаба] называет процесс... *оптимизацией* управления» [Обозрение-7. 7 канал. 12.02.02] (комментарий к не санкционированному министром обороны РФ распоряжению генштаба о выводе российских войск из Грузии; в любом государстве такая «*оптимизация* управления» именуется нарушением уставной субординации и армейского принципа единоначалия).

Судя по некоторым признакам, одним из самых употребительных слов, пришедшим на смену таким, как *реформа*, станет (уже стало?) *модернизация* – по-видимому, несколько пересмысленное по сравнению с недавним периодом, ср.: *модернизация* – «действие по знач. глаг. *модернизировать* – 1) изменить (изменить) что-л. соответственно современным требованиям и вкусам; 2) придать (придавать) прошлому не свойственные ему современные черты» [МАС₂ 1982, II: 286].

В свете этого к числу весьма значительных и по-своему символических нововведений буквально последнего времени следует, конечно, отнести такое: «Правительство переименовало *антикризисные меры* в *модернизационные*» [Новости. Прима ТВ. 17.03.10 – со ссылкой на «Ведомости»]. Политтехнологи в данном случае сумели учесть возможное сочетание ряда факторов: прилагательное *антикризисные*, с одной стороны, свидетельствует о неуклонном стремлении руководства преодолеть последствия того, что упорно именуют *мировым финансовым кризисом* (скорее всего, это закономерный результат глобальных предпринимательских – спекулянтских – операций «новых кочевников», с которыми российское руководство н и к о и м образом не связано); с другой – *анти* – всего лишь «против», да и вспоминать лишний раз о «кризисе» значит, с точки зрения вербальной магии, подчёркивать и тем самым поддерживать в сознании социума его наличие. Поскольку же широкая аудитория, кажется, успела уверовать в безусловно позитивный характер *модернизации* (помнится, многие энтузиасты на заре перестройки и реформ радостно призывали к введению свободного «*рынка рабочей силы*», то есть – безработицы, пока сами не остались без работы), то прилагательное *модернизационные* очевидно предназначено переключить внимание граждан на некую оптимистическую перспективу (очередное *светлое будущее* и проч.).

Как показывают вышеприведённые цитаты из российского теледискурса, для манипуля-

тивной эвфемизации, наверное, в равной степени успешно применяются слова и исконные, и иноязычного происхождения. Последние, кажется, используются политкорректировщиками социальной реальности всё-таки более охотно – в силу известных специфических свойств лексических заимствований, к которым принадлежит и упомянутая затемнённая их внутренней формы для носителя языка-реципиента, препятствующая чёткому пониманию семантики. Ср. агитационную надпись, которая украшает кооперативную лавку-вагон, и её восприятие адресатами в рассказе М. Булгакова 1924 г.: «Транспортная *кооперация* путём *нормализации, стандартизации и инвентаризации* спасёт *мелиорацию, электрификацию и механизацию*». Этот лозунг больше всего понравился стрелочникам. «Понять ни черта нельзя, – говорил рыжебородый Гусев, – но видно, что умная штука» [Булгаков 1989,2: 402] – и современный теленовостной сюжет (правда, со снисходительной дешифровкой ключевых слов для «малопродвинутой» части аудитории): «в Москве проходит «*Инновационный конвент*», а в переводе [!] – форум, на котором молодые учёные представляют свои изобретения» [Вести. РТР. 10.12.08].

Рассмотренные здесь эпизоды тотальной языковой игры позволяют ещё раз убедиться в том, что «не близостью значений слов, а именно существенными различиями в их семантическом содержании и обусловлены эвфемистические замены» [Шмелёв 2003: 145]. Такие эвфемизмы (псевдозэвфемизмы?) почти родственны тем, которые определяют как «окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» [Арапова 1990: 590] – однако присутствующие в официальном дискурсе *реформа, оптимизация* и проч. отнюдь не окказиональны: их использование имеет систематический, массивный и целенаправленный характер. Впрочем, «высшая честность языка не токмо бежит лжи, но тех неопределённых полузакртых выражений, которые как будто скрывают вовсе не то, что ими выражается» [Герцен 1955: 140]. Неслучайно ведь российским гражданам, пусть даже и не самым высокообразованным, но имеющим некоторый опыт выживания в перестроечные и последующие годы, зачастую легко удаётся «восстановление концептуальной справедливости» (И.Т. Вепрева), – то есть распознать не только исходную семантику слова, но и уловить те смысловые обертоны, которые вносятся в неё говорящим, а следовательно, правильно определить его интенции. Собственно, возможность и необходимость такого определения хорошо представлены в русских фольклорных паремиях, отражающих так называемое обыденное (ненаучное) языковое сознание: «Не всё то творится, что говорится» [Даль 1984,1: 319]. – «Не смотри на кличку, смотри на птичку»

[Даль 1984,2: 168]. – «Какова резва ни будь ложь, а от правды не уйдёшь» [Даль 1984,1: 153]...

По глубоко справедливому суждению выдающегося польского лингвиста, «систематическое развитие способности пользоваться речью и ориентироваться не только в мире вещей, но и в связях между вещами и словами, которые их сигнализируют, должно составлять одну из главных общественно-просветительских целей языкознания» [Дорошевский 1973: 15].

ЛИТЕРАТУРА

Арапова Н.С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

Артамонова Ю.Д., Кузнецов В.Г. Герменевтический аспект языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.

Булгаков М.А. Торговый дом на колёсах // Булгаков М.А. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 2. – М., 1989.

Васильев А.Д. Слово в телеэфире. – Красноярск, 2000.

Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. – М., 2003.

Герцен А.И. // Русские писатели о языке. Хрестоматия. [Под ред. Докусова А.М.]. Изд-е 2-е. – Л., 1955.

Гоголь Н.В. Мёртвые души (поэма). – К., 1956.

Гоголь Н.В. Ревизор. – М., 1966.

Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2 т. – М., 1984.

Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. – М., 1973.

Душенко К.В. Словарь современных цитат. 4-е изд. – М., 2006.

Лопатин В.В. О новом своде правил русского правописания // Русский язык в школе. 2001. № 2.

Мюллер В.К. (сост.). Англо-русский словарь. – М., 1956.

Поляков Ю. От империи лжи – к республике вранья // Поляков Ю. Порнократия. – М., 2005. С. 67-72.

Потебня А.А. Язык и народность // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М., 1976.

Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. – М., 1953. 200 с.

Словарь иностранных слов. 7-е изд., перераб. [Петров Ф.Н. – гл. ред.]. – М., 1979. 624 с.

Словарь русского языка в четырёх томах. Изд. 2-е. [Под ред. Евгеньевой А.П.]. – М., 1981-1984.

Суспицына И.Н. Толерантность «в верхах» и «в низах» // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России. – Екатеринбург, 2007.

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. [Под ред. Скляревской Г.Н.]. – М., 2001.

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. 2-е изд. – М., 1972.

Шмелёв Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. Изд. 2-е. – М., 2003.

Hornby A.S. Oxford student's dictionary of current English. – М., 1984.

© Васильев А.Д., 2010